
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₁₈₎

ВЕСНА — ЛЕТО
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Е.И. Кычанов. Тангутский документ инв. № 6164 из коллекции ИВР РАН 5
- Дай Юань гурун-и судури (История Великой Небесной империи). Фрагмент тетради IV. Перевод с маньчжурского языка Л.В. Тюрюминой, под редакцией и с предисловием Т.А. Пан Имру' аль-Кайс. Му'аллака. Перевод с арабского и комментарий Ф.О. Нофала 9 24
- Имруулькайс. Муаллака. Литературный перевод с арабского языка А.А. Доличиной, предисловие Вал.В. Полосина 33
- Сутра Махаяны, именуемая «Наставление [касательно] предсказания, [данного царю] Аджитасене». Предисловие и перевод с санскрита М.И. Воробьевой-Десятковской, С.Х. Шомахмадова 39
- «Повесть о земле Бали» — «искусственная» хроника начала XIX в. Перевод с малайского языка и вступительная статья Л.В. Горяевой 51
- «Апта-ваджрасучи-упанишада» («Полная упанишада об Алмазной игле»). Предисловие, транслитерация, перевод с санскрита и комментарии С.Л. Бурмистрова 65

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев. Новый Завет в коптском «Апокалипсисе Петра» (*Nag Hammadi Codex VII. 3: 70.13–84.14*) 79
- Ю.А. Иоаннесян. Некоторые аспекты «возвращения», или «второго пришествия» в религиозных учениях 83
- И.А. Алимов. Заметки о сяошо: «Юй линь» 99
- Н.С. Яхонтова. Санскритско-тибетско-монгольские параллели: эпитеты рек 109
- Р.Ю. Почекаев. «Закон» Мандухай-хатун для ойратов и особенности развития монгольского права в «темные века» 123
- И.Т. Канева. Вставные предложения (на материале текстов позднешумерского периода) 138



<i>И.С. Гуревич.</i> Грамматическая стилистика буддийских текстов: синтаксические ресурсы (связка 是; анафора и эпифора)	149
<i>Д.В. Цолин.</i> Перифрастические формы императива и юссива в арамейском языке таргумов	159

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>М.А. Гизбулаев.</i> Сира в арабской литературе Дагестана. Арабская рукопись XVIII в. «Васаил ал-лабиб 'ала фадаил ал-хабиб»	170
<i>С.М. Якерсон.</i> Карасубазарский кодекс «Поздних Пророков» в собрании ИВР РАН (D 62). Заметки к его истории, локализации и датировке	176
<i>О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев.</i> Первый эпитафический памятник мохэской культуры (некрополь Монастырка-3)	190
<i>Мунхцэцэг Энхбат.</i> Маньчжурская «парная надпись» из коллекции Национальной библиотеки Монголии	198

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>В.Ф. Минорский.</i> Курды — потомки мидян. Публикация, предисловие и комментарии <i>З.А. Юсуповой</i>	206
<i>С.И. Марахонова.</i> Институт Гарвард-Яньцинь и образовательная политика США в Азии в 1930–1950-е годы (по источникам архивов Кембриджа, США)	212
<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Анонимный перевод первой главы трактата Васубандху (IV–V вв.) «Абхидхармакоша» из Архива востоковедов ИВР РАН	223
<i>С.С. Сабружова.</i> Образцы буддийских грамот из коллекции архивных материалов А.М. Позднеева	236
<i>М.В. Фионин.</i> Греческая рукопись D-227 из собрания ИВР РАН (археографический анализ)	242
<i>Морисита Нобуко.</i> Практические сведения для поиска арабских и персидских рукописей в разных странах (на англ. яз.)	247
<i>Е.В. Гусарова.</i> Вячеслав Михайлович Платонов (1941–2012) — исследователь эфиопских рукописей	258

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.В. Зорин.</i> Первые петербургские тибетологические чтения	274
<i>В.В. Щеткин.</i> «Невские чтения»: международный симпозиум в честь 120-летия со дня рождения Н.А. Невского	276
<i>А.В. Зорин.</i> V Международный семинар по тибетологии в Пекине	278
<i>Т.В. Ермакова.</i> Шестые всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	282
<i>С.Ю. Рыженков.</i> Четвертая международная конференция «Культура Семи мудрецов из бамбуковой рощи» 第四届“竹林七賢文化”國際學術研討會. КНР, Юньтайшань 雲台山 (24–25 ноября 2012 г.)	286
<i>Т.А. Пан.</i> Немецко-русская рабочая конференция по изучению Центральной Азии, 14–15 марта 2013 г., Берлин (Германия)	289

На четвертой сторонке обложки:

Еврейская библия из коллекции ИВР РАН, шифр D-62

Над номером работали:

Г.О. Ковтунович
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
О.В. Волкова
А.Е. Танчарова
Е.А. Проница

РЕЦЕНЗИИ

Юрий Рерих: Живое наследие. Материалы к биографии. Вып. 1: Сборник статей и интервью. — М., ГМВ, 2012. — 224 с., илл. (<i>И.В. Кульганек</i>)	291
<i>Т.Г. Скороходова.</i> Бенгальское Возрождение: Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философии Нового времени. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. — 320 с. (<i>С.Л. Бурмистров</i>)	293
<i>С.Ф. Ольденбург.</i> Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., автор предисл. и коммент. А.А. Вигасин. — М.: РГГУ, 2012. — 478 с. (<i>Е.П. Островская</i>)	297

IN MEMORIAM

© Российская академия наук, 2013
© Институт восточных рукописей РАН, 2013

Евгений Иванович Кычанов (1932–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	303
Евгений Александрович Серебряков (1928–2013) (<i>Д.И. Майцкий</i>)	307

О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев

Первый эпитафический памятник мохэской культуры (некрополь Монастырка-3)*

Статья посвящена публикации первого эпитафического текста, обнаруженного на позолоченном бронзовом бубенчике во время раскопок мохэского некрополя Монастырка-3 (Приморье). Из текста явствует, что мохэский город в устье р. Рудной китайцы, возможно, называли Шуйдаочэн (Шуйшоучэн) и он располагался на водном пути.

Ключевые слова: мохэ, Бохай, чжурчжэни, эпитафика, Дальний Восток, некрополь, Средневековье, водные магистрали.

Предыстория проблемы

Древние и средневековые эпитафические тексты являются важными историческими источниками, свидетельствующими о разных событиях прошлого — политических, этнических, хозяйственных, военных, культурных. В дальневосточной археологии находки эпитафических памятников довольно редки. Поэтому каждая новая появившаяся надпись — это событие для дальневосточной медиевистики, требующее специального анализа и ввода в научный оборот. Вся известная в настоящее время эпитафика российского Дальнего Востока связана с памятниками средневековых тунгусо-маньчжуров — бохайцев и чжурчжэней. Наиболее многочисленные эпитафические находки зафиксированы на чжурчжэньских городищах империи Цзинь (1115–1234) и государства Восточное Ся (1215–1233). Большинство из них представлены китайскими иероглифами, нанесенными, как правило, на ремесленных предметах — бронзовых зеркалах, печатях, монетах, гирях, реже керамических сосудах, в отдельных случаях в виде эпитафий на каменных стелах. Встречаются, но редко и разрозненно, собственно чжурчжэньские письма, расшифровка и прочтение которых и поныне еще далеки от завершения. Использование китайской иероглифики в чжурчжэньских государствах явление логичное и закономерное. Китайской иероглификой неизбежно пользовались (до создания собственной письменности) молодые варварские государства Азии. В первую очередь она была необходима для организации и ведения делопроизводства, поскольку китайцы имели большой опыт в этой области и древнюю традицию. Кроме того, во всех северных варварских государствах китайцев использовали в качестве ремесленников, начиная от гончаров и заканчивая фортификационными зодчими. Поэтому многие виды ремесленной продукции содержали письменные или знаковые клейма, на некоторых изделиях, как, например, на бортиках бронзовых зеркал, помещались соответствующие надписи, по которым можно судить о месте и времени их производства.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-31-09008.



Илл. 1
Местонахождение некрополя Монастырка-III

Несколько иная ситуация наблюдается на археологических памятниках государства Бохай (698–926), т.е. предшествующего чжурчжэньской империи Цзинь тунгусо-маньчжурского государства. Здесь знаки нанесены, как правило, на глиняных сосудах и черепице и, наиболее вероятно, являются фамильными знаками мастеров. В мохэской культуре, являющейся матерью всех тунгусо-маньчжуров, эпиграфическая находка за шестьдесят лет исследования ее памятников встретилась впервые только в 1993 г. Одним из авторов данной работы при раскопках мохэского некрополя Монастырка-3 был обнаружен позолоченный бронзовый бубенчик с надписью из четырех китайских иероглифов (Дьякова, 1998, с. 77). Публикации этого эпиграфического источника, являющегося в настоящее время самым древним письменным памятником тунгусо-маньчжуров, посвящена данная статья.

Характеристика мохэского некрополя Монастырка-3

Могильник Монастырка-3 находится в горно-таежной зоне северо-восточной части Приморья, административно относящейся к Дальнегорскому району. Расположен в 1,8 км к юго-западу от пос. Рудная пристань и одноименной бухты Японского моря, на левом берегу р. Монастырка, по которой и получил свое название (илл. 1). Могильник занимает юго-западную оконечность мыса. Это единственный памятник мохэской культуры в Приморье, на котором проведены широкие стационарные исследования площадью 2180 кв. м. Некрополь содержит грунтовые и курганные захоронения. На площади раскопов зафиксировано 75 ямных захоронений, 3 погребения на горизонте, 10 подхоронений в насыпь. Могильные ямы составляли ряды, тянувшиеся с северо-востока на юго-запад. Могилы ориентированы с запада на восток. Умерших хоронили тремя способами: кремация, ингумация, кенотаф. Прослежены кремации трех типов: в могильной яме, на стороне с последующим захоронением в могильной яме, на месте с последующим возведением курганной насыпи.

Для кремаций в могильной яме (погребения № 22, 27, 29, 30, 31, 34) характерны: а) могильная яма размерами в полный рост человека, глубиной до 50–80 см от древней поверхности, прямоугольной или трапециевидной в плане формы; б) сгоревшая внутримогильная конструкция в виде ящика с плоской крышкой из горбыля, снаружи обмазанного по щелям глиной; в) остатки костяка, часть которого сохраняет анатомический порядок; г) наличие в могиле кострища; д) определенное расположение погребального инвентаря: сосудов на крышке гроба в районе головы (в западной части могилы), пояса тюркского или амурского типов в районе таза, обувных украшений в восточной части могилы. Все вещи сохранили следы огня. В качестве топлива использовался торф из близлежащего тетюхинского торфяника.

Для кремаций на стороне с последующим захоронением в могильной яме или на горизонте (погребения № 23, 25) характерны: а) могильные ямы небольшого размера, более мелкие, чем при кремации в могиле; б) менее четкая форма могильных ям из-за постепенного истлевания деревянных конструкций и завала могильных стенок внутри; в) скопление жженных костей в одном месте без анатомического порядка; г) отсутствие следов внутримогильных конструкций; д) произвольное расположение погребального инвентаря.

Для кремаций на месте характерно большое неправильной формы глиняное прокалившееся пятно (с остатками торфа) с многочисленными вкраплениями мелких жженных костей и погребального инвентаря со следами сильного огня — курган № 40.

Два погребения — кенотафы. Они небольшого размера — до 70 см в длину, неглубокие, подпрямоугольной формы, с несколькими фрагментами керамики в заполнении, без следов внутримогильного устройства и костей. Кенотафы входили в единый ряд с другими могилами (Дьякова, 1993, с. 61).

Захоронение с эпитафической находкой

Эпитафическая находка обнаружена в погребении № 29, совершенном способом кремации в могильной яме. Погребение входило в один из могильных рядов некрополя. Конструкция могилы и обряд погребения захоронения были обычными и ничем не выделялись из других. Над могилой сооружена 70–80-сантиметровая насыпь, состоявшая из крупных и средних ломаных камней (до 45 см в диаметре), сохранившие следы пребывания в огне в виде красноватых поверхностей.

Под насыпью и за ее пределами фиксировалось могильное пятно неправильной формы размером 160×70 см, заполненное темно-коричневой супесью. Ниже залегал слой сплошной глиняной обмазки оранжевого цвета, юго-восточная сторона которого содержала разрозненные остатки горелой деревянной конструкции, образующей прямоугольную форму. На глубине 27 см от дневной поверхности могила приобрела трапециевидную форму и достигла размеров 157×50 см. Высота гроба составляла 32 см. Дно могилы было неровным, с поперечным материковым выступом и повышением в восточной части. В западной части могилы на этом же уровне отмечались следы костра в виде оранжевого зольно-угольного прокала. Вокруг могилы (северная, южная, восточная стороны) прослеживался прокол оранжево-зольного цвета.

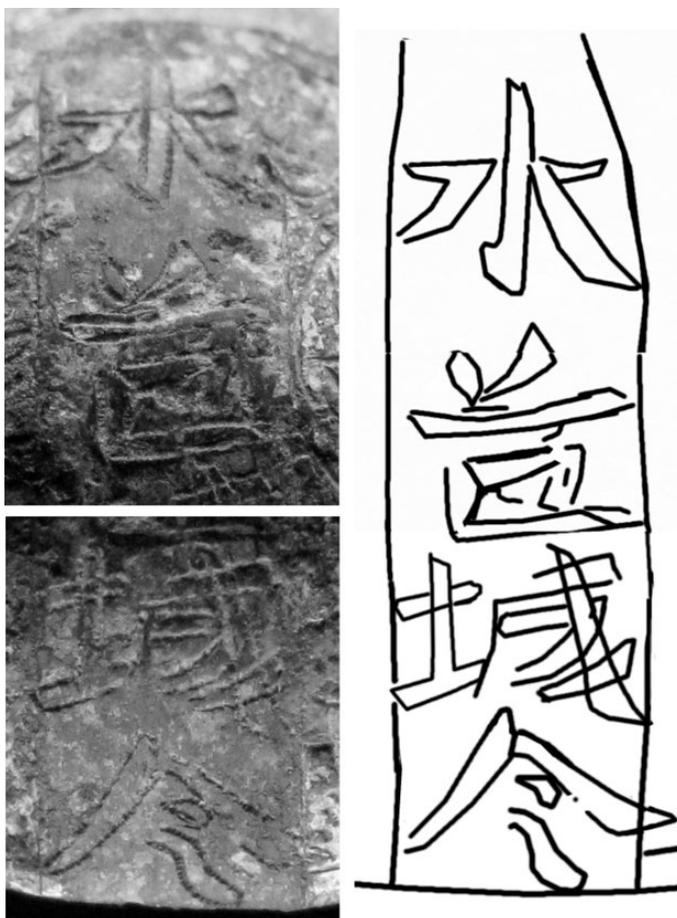
Почти до самого дна могилу заполняли камни и разрозненная галька, среди которых отмечались отдельные жженые косточки размером 1–2 см. В центральной части могилы на уровне крышки гроба залегал железный колокольчик полушарной формы с массивной петлей для подвешивания. Внутри гроба в 10 см от юго-восточной стенки могилы и в 8 см от северо-восточной на расстоянии 14 см друг от друга находились два бронзовых бубенчика. По типу оба бубенчика зооморфные. Первый бубенчик желудевидной формы в виде дракончика, верхняя часть головы которого отделена от лицевой двумя горизонтальными валиками с поперечными насечками. Глаза выполнены в виде штырьков-шишечек. «Рот» оформлен овальной прорезью. Тыльная сторона бубенчика гладкая. Такие бубенчики традиционны для средневековых тунгусо-маньчжурских культур — мохэской, бохайской, чжурчжэньской.

Второй бубенчик по форме, размерам и декору отличался от традиционных мохэ-бохайско-чжурчжэньских шумящих подвесок-украшений. Он был более крупным (2,8×3 см), имел шаровидную форму, позолоченную внешнюю поверхность и растительный орнамент (илл. 2). Бубенчик литой, состоял из двух полушарий. Место соединения полушарных половинок оформлено валиком. Бубенчик подвесной. Вверху на его макушке сохранилась обломанная петелька. Внизу — на противоположной стороне от петельки — прорезан «рот» в виде длинного овала. В центре диаметр прорези «рта» достигает 0,6 см, на концах — 0,7 см. Внутрь бубенчика (во «рту») помещен камешек неправильной формы, дающий шумовой эффект. Это обычный прием, используемый для отпугивания злых духов. Бубенчик «умерщвлен». У него обломана петелька, за которую он подвешивался, а также сделана пробоина в верхнем полушарии и слегка разорван «рот». Внешняя поверхность бубенчика покрыта позолотой, нанесенной способом амальгамы. По позолоте гравировкой выполнен врезной криволинейный орнамент в виде растительного рисунка из переплетающихся стеблей с завитками листьев. Линии сделаны с помощью штихеля, имеющего довольно длинную рабочую головку. Каждый последующий след штихеля частично перекрывает предыдущий. Фон рисунка образован выбитыми трубчатым штихелем мелкими кружками.

На бубенчике от центральной части ротовой прорези до конца нижнего полушара срезана позолота и орнамент, образуя вертикальную полосу диаметром 0,7 см и длиной — 1,7 см. На этой полосе выгравирована вертикальная строка из четырех китайских иероглифов (илл. 3).

Перевод надписи

Черты иероглифов представляют собой гравированные линии, выполненные частыми ударами штихеля с точечным рабочим концом. Сами иероглифы написаны почерком *кайшу*, лежащим в основе современного написания иероглифов. Однако черты их не всегда правильны, а иногда и стилизованы, что, видимо, вызвано трудностями гравировки на сферической поверхности.



Илл. 2

Некрополь Монастырка-III.
Фото и прорисовка надписи на бубенчике

Первый иероглиф представляет собой знак *шуй* — «вода» (水), второй иероглиф, скорее всего, стилизован, не все черты в нем ясно различимы. С определенной долей вероятности его можно трактовать как *дао* — «путь» (道), хотя нельзя исключать и того, что это знак *шоу* — «голова», «первый» (首). Поверхность в районе этого знака имеет несколько бесформенных углублений, выеденных коррозией, поэтому полностью восстановить его начертание не удалось. Третий иероглиф однозначно является знаком *чэн* — «город», «стена» (城). Значительные затруднения в определении вызывает последний иероглиф. Ближе всего он к правой части знака *юй* 於, самостоятельно не используемой. Наиболее вероятно идентификация этого знака с иероглифом *лин* — «начальник» (令), либо *лин* — «колокольчик», «бубенчик» (鈴). Последний знак имеет в правой части отсутствующий в надписи детерминатив 金 — «металл», однако известны случаи употребления иероглифа *лин* в значении «колокольчик» без этого детерминатива.

В целом надпись можно прочесть как *шуй дао* (либо *шоу*) *чэн лин*.



Илл. 3

Некрополь Монастырка-III.
Фото бубенчика с надписью

Наиболее вероятный перевод ее: «Бубенчик из города Шуйдаочэн» либо «Бубенчик из города Шуйшоучэн».

Название города Шуйдаочэн («город на водном пути») либо Шуйшоучэн («Первый на реке город») в исторических материалах встретить не удалось. Возможен и такой вариант перевода: «Начальник города Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)». Правда, *лин* как начальник в истории Китая встречается в качестве начальника уезда (*сянь лин*), рынка (*шил ин*), отдельных учреждений, но не города (Лидай, 1982). Однако данная версия перевода «Начальник города Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)» идеально вписывается в археологический и исторический контекст. Поскольку город в бухте Рудной реально существовал и находился он как на речном, так и на морском пути, и, как теперь стало известно, город этот назывался Шуйдаочэн или Шуйшоучэн (Дьякова, 2009, с. 204). Но это название китайское. Тунгусо-маньчжурское (мохэское) название нам неизвестно, хотя оно наверняка было.

Датировка и происхождение бубенчика

По способу нанесения и характеру растительного декора бубенчик ближе всего к танским изделиям: серебряной модели гроба из реликвария в основании буддийской пагоды в уезде Цзинчуань провинции Ганьсу (Ганьсу, 1966), серебряным чашам, чаркам и шкатулке, найденным в деревне Шапоцунь в юго-восточном пригороде

г. Сиань (Сиань, 1964), а также одновременным им позолоченным бронзовым ножницам для обрезания фитилей из пруда Анапчи в столице Объединенного Силла Кёнджу (Kyongju, 1989, p. 118). Аналогичные по растительному декору вещи встречены в ляоских погребениях раннего периода Ляо (X в.). Это комплект из позолоченных серебряных кувшина и чаши с боковыми ручками-кольцами из ляоской могилы в Туэрцишань в левом заднем хошуне Хорчин, серебряная с позолотой накладка-наконечник ремня из этой же могилы (Нэймэнгу, 2004, с. 68, 99–01), золотые чаши, серебряный позолоченный кувшин с изображениями сюжетов о почтительных сыновьях, семигранные серебряные с позолотой чаши на поддонах, блюдо с двумя фениксами из того же материала, серебряная с позолоченным рисунком плевательница, бронзовая с позолотой накладка-наконечник ремня из могилы Елюя Юйчжи (941 г.) на горе Чаокэтушань в сомоне Ханьмяо хошуна Алукуринь Чифэна Внутренней Монголии (Гай Чжиюн, 2004). Характерной особенностью этого орнамента является фон, образованный нанесенными трубчатым штихелем кружочками. Такой фон наблюдается на многих серебряных и золотых изделиях из указанных ляоских могил, но не встречается ни до VII в., ни после X в. В содержащей большое количество золотых и серебряных изделий могиле ляоской принцессы Чэнго, умершей в 1018 г., есть только одна золотая игольница, украшенная орнаментом с таким фоном (Treasures, 1996, p. 64). Это свидетельствует о том, что к XI в. такая техника декора уже выходит из употребления.

Следовательно, бубенчик, вероятно всего, выполнен китайским мастером не ранее VII в., но не позднее X в. Появление многочисленных тюркских элементов в погребальном обряде мохэсцев позволяет склоняться к более ранней дате, т.е. к VII в.

Заключение

Таким образом, предлагается два варианта перевода публикуемой надписи на бронзовом позолоченном бубенчике из некрополя Монастырка-3, состоящей из четырех китайских иероглифов: «Бубенчик из города Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)» или «Начальник города Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)». Окончательная интерпретация перевода, поскольку у авторов статьи по данному поводу существуют отличные точки зрения, будет аргументирована в последующих работах с подробным анализом археологического и исторического контекста и корреляцией с другими источниками. В данном же случае ясно одно, что впервые мохэсцы заговорили, и нам стало известно, что город в устье р. Рудной назывался Шуйдаочэн (Шуйшоучэн).

Литература

- Гай Чжиюн.* Тансьюнь шицой-дэ ванчао — ляо елюй юйчжи му (В поисках погибшего царства — могила ляоского Елюя Юйчжи). Хух-хото: Нэймэнгу дасюэ чубаньшэ, 2004. 159 с.
- Ганьсу.* Ганьсушэн вэньу гунцзо дуй (Археологический отряд провинции Ганьсу). Ганьсушэн цзинчуаньсянь чуту-дэ тандай шэли шихань (Каменная шкатулка с буддийскими реликвиями эпохи Тан, найденная в уезде Цзинчуань провинции Ганьсу) // Вэньу, 1966. С. 8–15, 47.
- Дьякова О.В.* Мохэские памятники Приморья. Владивосток, Дальнаука, 1998. 318 с.
- Дьякова О.В.* Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня. Москва: изд-во Восточная литература, 2009. 245 с.
- Дьякова О.В.* Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства). Дальнаука, 1993, ч. 1. 176 с.
- Kyongju.* Kyongju National Museum. Seoul: Kyongju National Museum, 1989. 202 p.

- Лидай.* Лидай чжигуань бяо (Таблицы чиновничьих должностей на протяжении всех эпох). Сост. Хуан Бэньци (эпоха Цин). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1982. 735 с.
- Нэймэнгу.* Нэймэнгу каогу уши нянь, ицзюусы — эрцянъ сы (50 лет археологии Внутренней Монголии, 1954–2004): Нэймэнгуцзычжищюй вэньу каогу яньцзюсо бьянь (сост. Институт археологии Автономного района Внутренняя Монголия). [Б.м.], [б.г.]. 134 с.
- Сиань.* Сианьши вэньу гуаньли вэйюаньхуй (Комитет по охране памятников культуры города Сиань). Сианьши дуннаньцзяо шапоцунь чуту ипи тандай иньци (Находка серебряных сосудов эпохи Тан в деревне Шапоцунь города Сиань) // Вэньу, 1964. С. 30–32, табл. VII–XI.
- Treasures.* The treasures of Inner Mongolia. Тю:коку ко:ко цзю дай хаккуцу бунбуцу. Хоппо кибба миндзоку-но о:гон масуку тзн (Десять великих археологических находок Китая. Выставка «Золотая маска кочевых всаднических народов Севера»). [Токио]: Asatsu inc., 1996. 135 с.

Summary

O.V. Dyakova, A.L. Ivliev

The First Epigraphic Monument of the Mohe Culture (Necropolis Monastyrka-3)

The article is a publication of the first Mohe epigraphic text which was discovered on a small golden bronze bell during the excavations of the necropolis Monastyrka-3 (Primorye). From the text one can see that the Mohe town in the delta of the Rudnaya River was possibly named in Chinese as Shuidaocheng (Shuishoucheng). The bronze bell from the necropolis presumably belonged to the head of the town.